

О любви

ПРЕКРАСНОЙ
И ВЕЧНОЙ

Ф И О Н А
М А К И Н Т О Ш

Ч Т О Б Ы
С П А С Т И Т Е Б Я

Ранее роман выходил под названием
«Гобелен»

МОСКВА
2 0 1 5

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Авс)-44
М15

Fiona McIntosh
THE TAPESTRY

Copyright © 2013 by Fiona McIntosh

Ранее роман выходил под названием «Гобелен»

Перевод с английского *Ю. Фокиной*

Художественное оформление *С. Власова*

Школа перевода
В. Баканова

Макинтош, Фиона.

М15 Чтобы спасти тебя / Фиона Макинтош ; [пер. с англ. Ю. Фокиной]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 544 с. — (О любви — прекрасной и вечной).

ISBN 978-5-699-81398-8

Лондон, 1978 год. Джейн Грейнджер празднует помолвку с Уиллом Максвеллом — американским миллионером и филантропом. Но счастью не суждено длиться вечно. Уилл получает травму и впадает в кому. Его жизнь висит на волоске. Джейн полна решимости спасти возлюбленного, но как это сделать?

Она вспоминает, что Уилл мечтал о восхождении на скалу Улуру — священное место австралийских аборигенов. Может быть, на горе, славящейся своими чудесами, Джейн сможет понять, как помочь любимому?

Она верит в чудо, и оно происходит, но не совсем такое, на которое она рассчитывала. И уж конечно, Джейн не ожидала, что это путешествие приведет к событиям, которые навсегда изменят ее судьбу.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Авс)-44

ISBN 978-5-699-81398-8

© Фокина Ю., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ПРОЛОГ

Лондон, лето 1715 года

Пальцы тянулись к обнаженному плечу — шаль соскользнула от любовной дрожи, которой была охвачена его милая Нэнси. Глаз он не открывал, но и так видел: мягкая, сливочного оттенка кожа, узкая ложбинка меж упругих грудей, в ложбинке — миниатюрный медальончик, им же и выкованный; да, в этой тесной теплой ложбинке, в целости и сохранности. Они с Нэнси целовались в яблоневом саду на краю родного села; занималась золотая весенняя заря. Было зябко; из разъятых на мгновение губ вырвался пар, яблоневый цвет розовел под ногами, точно конфетти. Он знал: Нэнси мечтает о россыпях конфетти в день свадьбы.

Она потупилась; он ощутил теплую ладошку на своем возбужденном...

— Марвелл!

Крик ворвался в мечты, Нэнси растаяла...

Кузнец очнулся.

— Тут я, мистер Фэннинг! — отозвался он, перекрывая лязг молота по наковальне. Однообразная это работа — бить по полосе металла, потому он и забылся, позволил мыслям унести в Беркшир, где ждет Нэнси. И будет ждать до следующей осени, до сбора урожая. Если к тому времени кузнец не вернется, Нэнси сочтет себя вправе ответить на ухаживания фермера Джона Бейли.

Марвелл опустил молот — к нему, пальцем тыча куда-то себе за спину, приближался глава кузни.

— Тебя наверх требуют.

Марвелл нахмурился и буркнул:

— Я ж ничего худого не сделал.

Он слишком хорошо знал: наверх так просто не зовут. Либо из жалованья вычтут, либо еще какую-нибудь гадость придумают.

— А никто и не говорит, что ты проштрафился, — рявкнул Фэннинг. — Умойся, прежде чем идти.

— Зачем это?

Его что, прямо сейчас и рассчитают? Марвелл работал усердно, ни на эль денежки не спускал, ни об заклад не бился.

— Я ж, мистер Фэннинг, каждый день с самой зари тружусь!

— Марвелл, давай двигай наверх, я сказал. Да умойся ты, приведи себя в божеский вид. Живей!

Фэннинг протопал прочь. Точно выволочка будет, с тоской подумал кузнец.

Стал умываться, отскребать грязь песком. Снова пошли мысли о невесте.

«Дождись меня, Нэнси, — попросил он тем весенним утром, оторвавшись от милых губ. — Вот увидишь: в Лондоне я наймусь за хорошее жалованье, заработаю столько, что нам с тобой и на свадьбу, и на обзаведение хватит».

Вытираясь полотенцем, Марвелл вспоминал, как Нэнси прильнула к нему, как сладко пахло от нее розами да имбирными пряниками, которые она специально для него напекла перед утренним свиданием, и как с блестящими от слез глазами она заставила его дать клятву верности. «Отправляйся в Лондон, Уильям. Только смотри — вернись к празднику сбора урожая. Дольше двух лет я ждать не буду, так и знай». Вернуться следовало к осени 1717 года.

Нэнси щедро отмерила срок. Двух лет вполне достаточно, чтобы сколотить капиталец.

«Я вернусь с двумя пригоршнями серебра. У тебя будет подвенечное платье из чистого шелка. А уж пир мы с тобой на свадьбу закатим — всем на зависть. А потом купим собственный дом».

Давши это обещание, Марвелл страстно поцеловал Нэнси, не без труда оторвался от нее и направил шаги к Лондону. Высокоченный, широкоплечий, мускулистый, он долго еще маячил на дороге.

Марвелл отогнал воспоминания, опустил закатанные рукава и приложил немало усилий, чтобы пригладить волосы. Впрочем, усилия были напрасны. Посреди рабочего дня нельзя выглядеть опрятным, решил Марвелл. Напрасно пытался он отмахнуться от дурных предчувствий, напрасно убеждал себя, что причин для недовольства у хозяйина быть не может.

— Мистер Фэннинг, — позвал Марвелл, предварительно постучавшись.

— Входи, — откликнулся Фэннинг. — Вот, сэр, это Уильям Марвелл, — продолжал он с почитательностью.

Фэннинг обращался к пожилому человеку, который с брезгливым выражением инспектировал кузню Джона Роббинса, прославленного на весь Лондон кузнеца. Над головой у него висела кованая табличка: «Кузнечное дело — всем ремеслам мать».

Фэннинг снова обратился к Марвеллу:

— С тобой желает говорить сэр Мозли.

Марвелл сморгнул.

— Доброго утречка, сэр Мозли.

— Я смотрю, у тебя сложение в самый раз для кузнечного ремесла, — обронил сэр Мозли.

Марвелл вскинул бровь.

— Я молотом с двенадцати годков машу, а мехи раздуваю так и вовсе с шести, сэр. Не иначе, это кузня из меня такого силача выковала.

Марвелл повел плечами, стараясь не глядеть на свои огромные ладони, на предплечья, вдвое толще, чем у Мозли. Вдруг очень неловко стало за собственные тугие мускулы и толстые, как веревки, жилы. Чтобы заполнить эдакие кулачищи, как было обещано Нэнси, серебра понадобится много. Очень много.

— Ну, сынок, и давно ты трудишься в кузне Джона Роббинса? — спросил Мозли. На нем была гвардейская форма; в сочетании с преклонным возрастом она создавала впечатление, что Мозли облечен известной властью. К такому выводу пришел Марвелл — и мысленно занял оборонительную позицию.

— Да уж больше года будет, сэр. Я думал пару лет в Лондоне поработать, прежде чем возвращаться домой, в Беркшир.

— И как тебе тут, сынок?

— Тружусь в поте лица, сэр, с дурными людьми компанию не вожу, каждое пенни сберечь стараюсь. Меня невеста дома ждет. Вот вернусь — поженимся, свою кузню открою. Так-то, сэр.

— Сейчас видно порядочного человека, в коем благонамеренность не противоречит честолюбивым помыслам, но побуждает честно зарабатывать себе на хлеб.

Марвелл не понял, что имеет в виду сэр Мозли, и счел за лучшее промолчать — иначе как бы деревенщиной неотесанным не сочли.

— Скажи, Марвелл, а хотел бы ты зарабатывать десять фунтов в день?

Эх! Даже в самых смелых мечтах Марвелл не взмывал к таким высотам; воображения у него не хватало представить, за какой же это труд столько платят. В кузне Джона Роббинса Марвелл за целый год хорошо, если заработает

шестьдесят фунтов. Он недоверчиво взглянул на Мозли; стало неловко, что с волос за воротник течет вода; предложение казалось таким заманчивым, что Марвелл невольно ждал подвоха.

— Твоя недоверчивость о многом говорит, — заметил Мозли.

Фэннинг принял буравить Марвелла взглядом.

— Не придумаю, что и сказать, сэр, — наконец выдавил Марвелл. — Только ежели вы о подозрениях, сэр, так да, уж простите, есть они у меня. — Марвелл утер губы рукавом; сам знал, это признак неотесанности, но что же делать — он кузнец, а не граф. В конце концов, что, кроме как подковать лошадь, может потребоваться от такого парня, как Марвелл, такому джентльмену, как сэр Мозли, обладателю лейтенантского чина? — Уж не обессудьте, милорд, невдомек мне, к чему эти вопросы да соблазн таким жалованьем.

Мозли качнул головой.

— Мне по нраву твоя честность, Марвелл. Скажу прямо: тебя рекомендовали как человека надежного во всех отношениях. Так что не стану долее скрывать, в чем состоит суть моего загадочного предложения. Дело в том, Марвелл, что мне поручено найти нового городского палача. Прежний мало того что сбежал из долговой тюрьмы, так еще и устроил дебош — мужчину на месте убил, а женщину так отделал, что ей вряд ли выжить. Этот прежний, Прайс его звать, несколько лет исполнял обязанности палача, а ныне сам повешен за неуважение к закону. Небось никто не скажет «Палач без петли», — усмехнулся Мозли. — Не хотелось бы повторения некрасивой истории.

Уильям хватал ртом воздух, как рыба на берегу.

— Стало быть, вы мне должность палача предлагаете, сэр?

— Мы наводили справки. Кузнецы, оказывается, обладают всеми необходимыми навыками для подобной рабо-

ты. Таким образом, у тебя, Марвелл, очень недурные перспективы стать новым городским палачом.

Уильям начал было отвечать, но сбился, — а Мозли принял его косноязычие за согласие.

— Платим за каждое повешение отдельно. Разумеется, смертная казнь не каждый день свершается. Обычно преступников вешают по шестеро сразу, а то и побольше. Полагаю, твоя рука не дрогнет, если понадобится казнить женщину? — Не дождавшись ответа, Мозли вытащил табакерку и провел отработанный ритуал: открыл крышечку, взял щепоть табаку, шумно втянул носом. Прочистил горло, не обращая внимания на двоих своих собеседников, замерших в ожидании. — Я вот что думаю, Марвелл: если ты молотом орудуешь так, что хозяин твой не нахвалится, значит, и топором размахнуться сумеешь?

Уильям кивнул — говорить он все еще не мог.

Мозли повел плечами.

— Не представляю, когда это конкретное умение сможет тебе пригодиться, однако должен предупредить: палача время от времени зовут в тюрьму, чтобы обезглавить преступника. Надеюсь, ты сделаешь это не моргнув глазом?

На сей раз Мозли дождался ответа.

— Ежели, сэр, наказание заслуженное, ежели человек против государя да отечества согрешил, я, конечно, не замедлю привести... привести в исполнение королевскую волю.

Марвелл видел: его продуманный ответ пришелся Мозли по нраву. Можно было бы просто сказать: «Сделаю, сэр», обойтись без выводов, но Марвелл не пошел по легкому пути.

— Превосходно. Тебе станут платить столько, сколько ты и не мечтал, главное, делай дело чисто и без шума.

«Сколько ты и не мечтал». Уильям все-таки взглянул на свои руки, про себя повторил обещание невесте, а вслух произнес:

— Вообще-то, сэр, я мечтал о больших деньгах.

Мозли криво усмехнулся.

— Двенадцать фунтов за голову тебя устроит? Вдобавок ты имеешь право принимать от смертников подарки. Их обувь также будет доставаться тебе. Коллективные повешения оплачиваются из расчета десять фунтов за полдюжины петель. По-моему, очень недурно. Кстати, первое на твоём счету коллективное повешение состоится через несколько недель.

Уильям Марвелл даже сглотнуть не сумел. Силился выдать «благодарствуйте, сэр». Рука дергалась — жест, означающий согласие на сделку, никак не удавался. Голос куда-то пропал, руки стали как из сырого теста, да еще и к бокам прилипли. Удалось только кивнуть вконец затуманенной головой.

— Отлично. Поздравляю, Марвелл, с вступлением на новое поприще. Скоро дам о себе знать. И вот что я тебе посоветую — отрабатывай пока точность удара. — Мозли расплылся в улыбке. — На севере нынче беспокойно — значит, твое умение рано или поздно понадобится Англии. — Он снова взял шумную понюшку табаку, фыркнул и кивком сообщил, что собеседование окончено. Затем швырнул Марвеллу небольшой кошелек. — Вот, возьми. Купи дюжину тыкв и упражняйся.

С этими словами Мозли пошел прочь из комнаты, на почтительном расстоянии сопровождаемый Фэннингом.

Уильям остался стоять как вкопанный. Пенсовики, отпущенные на тыквы, слегка позвякивали в кожаном кошельке, таком крохотном на его огромной потной ладони.

ГЛАВА 1

Терреглс, Шотландия, август 1715 года

Она знала: он на крыше, молчит, думает думу, устремив взгляд в южном направлении. Там, на юге, течет река; там граница, там зреет военный конфликт.

— Ты принял решение?

Она постаралась задать вопрос так, чтобы в голосе не промелькнуло ни тени упрека.

Уильям опустил взор при ее приближении, однако не повернулся.

— Выбора нет, Уин, — ответил он с неожиданной жесткостью.

Откашлялся — лишь затем, чтобы она не угадала, что за тяжесть лежит у него на сердце. Уинифред, довольная собственной сдержанностью, вздрогнула. Это его чувство долга... Как же оно ранит! Словно удар в живот нанесли. Она могла бы поклясться: внутренне он еще не свыкся со своим решением — а говорит так, будто решение принято окончательно и бесповоротно.

Уинифред приблизилась, обняла его — давала поддержку и просила поддержки. Какой он мощный, широкоплечий; какое подтянутое тело, как ласкает щеку бархат камзола. Неужели у нее достанет мужества расстаться с ним?

— Выбор есть всегда. Можно проигнорировать приказ. Если ты не поедешь в Эдинбург, это еще не значит...

— Нет, значит! Мое имя в списке. Я — изменник и предатель. Я пошел против Короны. — Уильям качнул головой и усмехнулся. — Указ о преданности Шотландии не предполагает разночтений. С какой стороны ни посмотри, я смутьян и бунтовщик. И у меня всего два варианта — отправиться в тюрьму либо поднять штандарт против английского короля.

Он мягко высвободился из объятий Уинифред и сам обнял ее и поцеловал в то место, где золотистые волосы открывали безупречно белый лоб.

— В обоих случаях участь моя незавидна. Прости, что и тебя краем задело.

Уинифред подняла глаза, посмотрела в лицо человеку, в которого влюбилась без оглядки шестнадцать лет назад, когда жила во Франции, при дворе короля-изгнанника Иакова (протестанты прозвали его Старым претендентом). Вздрогнула — без пышного парика, в котором муж недавно позировал для парадного портрета, он показался в сто раз красивее.

— Уильям, знаешь, почему я вышла за тебя? В числе прочего потому, что ты разделял истовую веру моих родных: рано или поздно законный наследник — католик — воссядет на британском престоле.

— Вон оно что! А я-то думал, всему причиной — моя неподражаемая красота, — самым обыденным тоном ответил Уильям.

Уинифред не сдержала улыбки. Муж обернулся, стал глядеть на вересковую пустошь, но во взоре его была тоска почти материальной природы, и это не укрылось от Уинифред. Сердце заныло от тревоги.

— Теперь, любимый, опасность угрожает и нашим детям.

Плечи Уильяма поникли, словно под тяжелой ношей, имя которой — раскаяние.

— Король Англии знает, что я — якобит. Я никогда не скрывал своей веры.

— И я не скрывала, милый... Пойдем вниз, ты озяб; лето прощается с нами, а ты, если решил воевать за истинного короля, не должен рисковать здоровьем — оно тебе пригодится на войне.

Супруги взглянули друг на друга. Унифред вспомнила: тогда, во Франции, тот же густо-синий взгляд рослого, ни на кого из знакомых мужчин не похожего шотландца задержался на ней много дольше, чем позволялось этикетом. Разузнать о шотландце было несложно, его имя с придыханием произносили все дамы якобитского двора: завидный жених, прибыл в Париж засвидетельствовать почтение изгнанному английскому королю.

— Какой красавец, — прикрыв рот веером, шепнула королева Мария-Беатриса потрясенной девятнадцатилетней Унифред.

Унифред до сих пор помнила: она покраснела до корней волос, опустила очи долу.

— Полно, милая, — продолжала королева. — Не отворачивайте взор. В данном случае вам даже женские хитрости не нужны. Этот шотландец, кроме вас, никого не замечает, а при дворе вас двоих уже заочно обвенчали. Отличная партия, милочка моя. Так что взгляните ему в глаза и назначьте свидание в саду, если он о таком попросит. Что до меня, вот вам мое благословение.

С этими словами королева улыбнулась заговорщицкой улыбкой.

После смерти матери, которая была наперсницей ее величества, Унифред видела со стороны опальной королевы лишь заботу и ласку. Особенное благоволение королева проявила, взяв девушку с собой в Версаль. Они прошептались через Зеркальный зал, где в ослепительных стеклах отражались не менее ослепительные интерьеры — свидетельства богатства и власти человека, построившего

сей дворец. Ибо даже среди зимы он мог позволить себе жечь тысячи свечей; свечи множились в зеркалах, было светло, как в солнечный июльский полдень.

Именно при великолепном дворе Людовика XIV по прозвищу «король-солнце» юная Уинифред овладела всеми тонкостями куртуазного этикета — научилась вкладывать особый смысл в светское щебетанье, лгать изящно и с легкостью, интриговать, вместо того чтобы лезть напролом, действовать с оглядкой и не давать воли языку, флиртовать и быть неотразимой в любое время суток.

Теперь, глядя на мужа, Уинифред гадала: помнит ли он, как более десяти лет назад все придворные дамы только и говорили что о стати и ярко-синих глазах молодого шотландца, о его дорогих и безупречно пошитых камзолах, о копне темных волнистых волос? Уильям был учтив со всеми, но не сводил страстного взгляда с Уинифред, и она, несмотря на недостаток жизненного опыта, сразу это заметила. При ней Уильям смеялся искреннее, вдобавок полностью разделял ее взгляды на якобитов. Подобно ей, он считал внука короля Испании Карла самым подходящим наследником. Уинифред видела, как жадно Уильям впитывает каждое ее слово, — а говорила она не только о вышивании и ведении хозяйства.

— Он заставляет мое сердце смеяться и петь, — наконец призналась Уинифред королеве. В тот день Уильям сделал ей предложение.

Королева Мария-Беатриса усмехнулась.

— Еще минимум дюжина прелестнейших дам могли бы подписаться под твоими словами.

— Ваше величество, мне совсем не хочется последовать примеру моей сестры Люси. Монастырь — это не для меня, — отвечала Уинифред.

— В таком случае я настаиваю, чтобы свадьбу сыграли здесь, в Сен-Жермен-ан-Ле, — снова усмехнулась королева.